

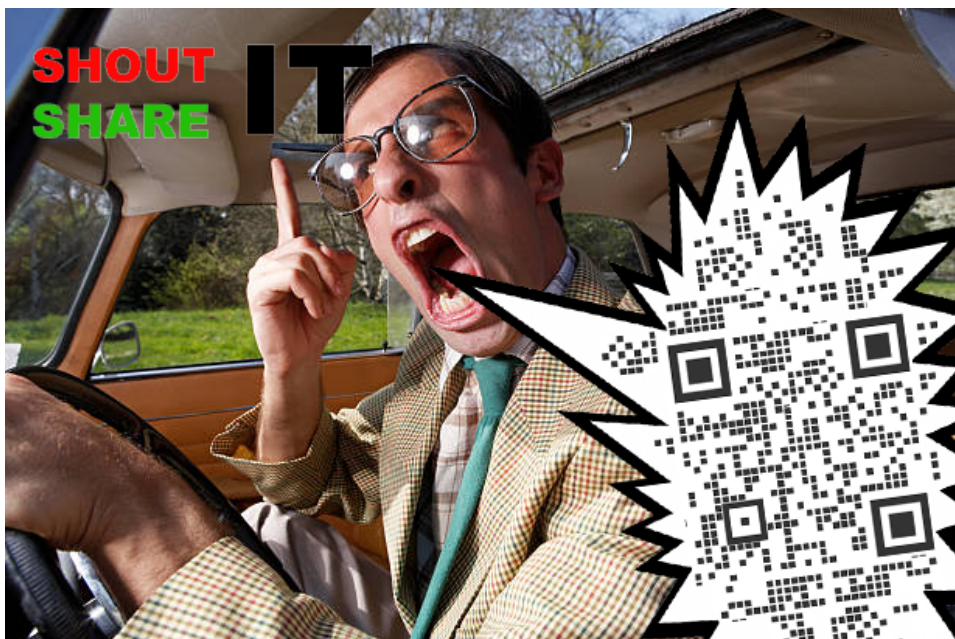
В.А.
ЧЕРЕВКОВ

ЧЕЛОВЕК — УНИВЕРСИТЕТ

1930

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

- Владимир Черевков
  -
  - Ворота учености
  - Человек в снегах
  - Игольное ушко
  - Излишние успехи
  - Спасительные ноги
  - Человек-университет
  - Бой с попами
  - Последние годы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Владимир Черевков
ЧЕЛОВЕК-УНИВЕРСИТЕТ

43 ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ 43

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Вл. ЧЕРЕВКОВ

Ч Е Л О В Е К УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ 1930

«Грешный» ум

— Петра, выдь в сенцы.

— Ну, чо ты?

— Мишку Ломоносова бить будешь?

— А пошто?

— Пошто, пошто! Либо не знашь? Больно он умен стал. Намедни дьячок без тебя сказывал: все вы де бурьян негодный супротив моего Михайлы; всех вас де Ломоносов грамотою произошел, а вы ему и на лыко для лаптей не гожи... Зато на его бока наши кулаки будут гожи. Понял?

— Ну, ин ладно, поучим его.

В этот вечер Миша Ломоносов, сын рыбака-помора, претерпел первое за науку гонение. Трое ребят подстерегли его за околицей. Накинув своему сопернику тулуп на голову, они учинили над ним короткую, деловитую расправу. «Чтоб не хвастал своей ученостью!»

О грамотее Ломоносове знали не только в родном его селе Денисовском, расположенном на островке у Белого моря вблизи Холмогор. Слава о нем распространилась далеко за пределы этого села, по всей Куроостровской волости. И даже из других мест Архангельской губернии приезжали в праздничные дни охочие люди к Василию Дорофеевичу Ломоносову.

Радушный хозяин, попотчевав как след гостей, с важным видом кликал сына:

— А ну, Михайло, сказывай нам нынче про святого великомученика Гервасия.

И светловолосый парнишка наизусть рассказывал надоевшие ему сказки из «Жития святых».

Прослушав до конца, разнеженные гости ласково трепали Михайлу по плечу и удивленно спрашивали:

— Да сколь тебе годов-то?

— Рожден в 1711, — торопливо отвечал он и спешил уйти — как бы еще чего не заставили!

Михайло уже тяготился своей «ученостью». Слишком хлопотна она: и отцу угождай «житиями», и на клиросе читай, и в хору пой, и все — одно и то же, ничего нового, ничего для самого себя. И ученость-то эта сводилась к знанию церковных книг, которые все перечитал уже Михайло в округе. А его волновали такие вопросы, о каких и помину не было в этих книгах.

— Вот чудодей! Отчего снег идет! — ворчал отец, когда Михайло обращался к нему за разрешением этих вопросов. — От бога это все, от него, брат, — и толкал докучного сына. — Подика лучше сеть почини, время-то зря проводишь.

Дьячок отвечал по-другому, витиевато и запутанно, но сводил к тому же:

— Зрю печать божию на челе твоём, любезный Михайло, — говорил он умильно, лаская его маленькими глазками, — великие вопросы тревожат твой ум, но не тщишься напрасно, все и вся в руке божией.

Конечно, такая постоянная ссылка на бога показывала умному мальчугану только полное невежество окружающих его людей и не могла удовлетворить его пылкую любознательность. В поисках пути к знанию он наткнулся на раскольников-беспоповцев. Благообразные начетники, складно и уверенно говорившие обо всем, показались Михайле знающими то, что неведомо другим, и он тайком от отца вошел с ними в связь. Два года хитрые мужички водили его вокруг да около. Много перечитал у них жадный Михайло, но все это тоже было церковное, а он боялся даже признаться себе, что книги этого сорта просто надоели ему. Наконец, что называется с ножом к горлу, он потребовал ответа: почему светит солнце? Как получается радуга?..

Важный беспоповец расправил длинную седую бороду и глубокомысленно покачал головой.

— Не нашему грешному уму, парень, выпытывать у бога его тайны...

Михайло не дослушал начавшейся проповеди и перестал водиться с раскольниками.

Ворота учености

Особенно любил Михайло выезжать с отцом на рыбную ловлю в открытое море. Перед его глазами расстиралась тогда безграничная водная равнина, и огромный небесный шатер со всех сторон замыкал ее края. Что там, за этими голубыми пределами?.. Михайло сидел у руля и думал о величии природы и о могуществе человеческого ума, который побеждает эту природу.

Вот сейчас — сколько верст под лодкой внизу? А они с отцом без опаски плывут над этой страшной пропастью и, поймав ветер в тугие паруса, заставляют везти их, куда надобно...

А что там, на самом дне? Поди, тоже идет какая-нибудь своя жизнь, и нет ей до нас никакого дела, как нет дела зверью в лесах или самоедам, что на берегах реки Мезени. Все живет по-своему, а нам кажется, что иначе, как мы, и жить нельзя...

Вот чайка взвилась вверх, блеснув на солнце острым белым крылом. Как она залетела сюда? Где-то присядет теперь в этой пустыне, чтобы закусить мелькнувшей у нее в клюве рыбкой?..

Медленно падает солнце в воду у самого края моря. И льется кровь из него, словно ранил его кто в небе. Это — закат. Вот окунулось оно, и сомкнулась вода над ним. А завтра оно встанет на другом конце моря, как ни в чем не бывало. Отчего все это?..

А ведь как хочется знать! Как хочется высунуть голову из потемок, оглянуться на весь белый свет и крикнуть:

— Кто же объяснит мне, что к чему и что от чего? Тогда буду знать, как взяться за человеческую жизнь, как сделать ее не в тягость, а в радость!..

Наступала суровая в тех краях зима, когда птицы нередко падают сверху мерзлыми комочками. Там, за полярным кругом солнце почти не показывается. Шесть долгих месяцев была бы здесь тьма, если бы на смену солнцу не появлялось величественное и прекрасное северное сияние. Тогда в той стороне, где море, полнеба вспыхивало диковинным пожаром. Дрожали и переливались разноцветные яркие лучи, холодным блеском своим разрывая и рассеивая ночь.

— Отчего? Почему?..

В одной деревне случайно познакомился Михайло с зажиточным мужиком Дудиным. У него в доме он нашел довольно значительную библиотеку. С жадностью набросился на книги, но тотчас же разочаровался. Все сплошь были старые знакомцы-церковники. Большинство было перечитано, а другие, Михайло знал по опыту, ничего нового ему не дадут.

— Нет, Христофор Евстигнейч, — с какой-то даже обидой

сказал он, — не то мне нужно.

И опечаленный рассеянно перевернул крышку какой-то серенькой книжонки. Но в тот же момент в глазах его мелькнули удивление и радость, и они впились в строчки... Исчезло для Михайлы все окружающее. Он бормотал, сжимал себе голову руками и не оторвался от книги, пока не прочел ее до конца.

Ни одного слова о боге, о церкви, о чудесах, об ангелах и архангелах! Совсем что-то новое, непохожее на все, что до сих пор читал Михайло.

Этой книгой, захватившей Михайлу, словно какой-нибудь увлекательный рассказ, была... арифметика. Ее составил, еще по приказу Петра Великого, Магницкий для мореплавателей, и она содержала начальные сведения по геометрии, физике, астрономии и вождению кораблей. Это был новый, неведомый до сих пор Михайле, мир науки и знания.

— Ишь ты, как забрало парня, — с изумлением сказал хозяин и ушел по своим делам, увидев, что Михайле сейчас не до него.

А когда юноша кончил читать и, откинувшись к стене, затуманенными глазами повел по избе, Дудин с лукавой улыбкой преподнес ему другую старинную книжку — грамматику Смотрицкого.

— А эта как? — подмигнул он.

С дрожью в голосе, страшась отказа, Михайло стал просить дать ему эти книги на дом.

— Нету, малец, — решительно сказал Дудин, — у меня читай, сколь влезет, а на руки не дам. Потому — берегу, как зеницу ока.

Однако через Дудиных сыновей, с которыми Михайло специально на этот случай подружился, он достал драгоценные книги и уже с ними не расставался.

Эти книги Ломоносов потом сам называл «воротами своей учености».

Человек в снегах

В одну из тех лунных морозных ночей, когда снег блестит зелеными и синими огоньками и звонко хрустит под самой осторожной ногою, — длинный, груженный рыбой обоз тянулся по накатанной дороге.

Сбоку саней неторопливо, размеренным шагом шли закутанные по глаза мужики и дышали густыми клубами пара.

Соскучившись идти молча, возчик в самом конце обоза крикнул в спину другому:

— Э-ей, Тереха! Знатно дерябает, а?

Тот повернулся и, поджидая, одобрительно сказал, упирая на «о», как говорят в тех краях:

— Мороз-то? Ничо, жигает — не спросится. Потом он сразу присел на корточки и, вытянув голову, стал всматриваться вдаль.

— Чо ты? — удивленно спросил подошедший и сам обернулся.

Далеко видная в сияющих ровных снегах двигалась, догоняя обоз, черная точка.

— Не то зверь, не то человек, — задумчиво сказал Тереха, — что за притча?

— Кликнуть, что ль, обозу? — продолжал он думать вслух и сейчас же, обернувшись, закричал:

— Э-а-та! Сто-ой!

— Сто-ой! Сто-ой! — перекинулось от саней к саням и дошло до передних. Обоз остановился, заскрипел полозьями.

— Что-й-та-а? Эй! Кого там? — кричали издали, подбегая мужики и, остановившись, начинали пристально вглядываться в дорогу позади обоза.

Теперь уже ясно виден был в снегах человек.

— Что такое? Почему такое? — сердито спросил, торопливо подходя, приказчик. — Это ты, Ваньк, обоз остановил?

— Человек бежит, — нехотя ответил Тереха.

— А вам-то что, лиходеи? Обоз надо задерживать?

— Ничо, рыба, небось, не протухнет, — весело отозвался Ваньк, тот самый, что шел позади всего обоза, — а бежит человек — знать дело есть. Как не обождать?

— Вестимо, — поддержало несколько голосов.

В это время бежавший перешел на быстрый шаг и, крупно размахивая руками, приблизился вплотную. Луна освещала его с головы до ног. Это был высокий, стройный парень с приветливым лицом, одетый совсем не по морозу — в один нагольный тулуп.

— Здравствуйте, добрые люди! — сказал он запыхавшимся

голосом.

— Здравствуй и ты, — ответили возчики.

— Дозвольте пристать к вам.

— А ты откуда? — выдвинулся вперед Тереха.

— А из Денисовского.

— О-о! — удивленно протянул Тереха. — И все бежал?

До Денисовского отсюда было семьдесят километров.

— Где шел, а где и бежал. — Парень доверчиво улыбнулся, и всем приятно стало от этой улыбки.

— А куда пойдешь-то с нами? — продолжал Тереха.

— В Москву.

— В Москву-у? А пошто?

— Учиться, добрый человек.

— Учиться? Вот ты дело какое, — Тереха покрутил головой и оглянулся на товарищей. Приказчик встрепнулся.

— Ну, пошел! Чего там! — крикнул он возчикам.

— Погоди-ко, — неторопливо сказал все тот же Тереха. — Тут человек, а он... Ты кто ж такой будешь? — строго спросил он парня.

— Крестьянин.

— Крестьянин? Та-ак. А жрать что есть у тебя? Ведь до Москвы-то месяц ходу.

Парень отвернулся.

— Так, что-либо... — неуверенно сказал он, — вам подсоблю где, авось, и накормите...

Он помолчал. Молчали и возчики, теснее сплотившись вокруг неожиданного попутчика.

— Ну-к, что — ж, — повернулся Тереха к приказчику и посмотрел ниже его заледенелой бороды, — собча тебе за него заплотим. Корми со всеми.

— Верно, верно, — поддержали возчики, — с артели, значит.

Тереха поднял голову и повелительно крикнул:

— Трога-ай!

Все быстро разошлись по местам. Полозья запели, обоз двинулся.

— Как звать-то тебя? — спросил Тереха, бросив парню шубу со своих саней.

— Михайло Ломоносов, — тихо ответил тот, благодарно взглянув на него.

Игольное ушко

Первые две ночи в Москве Михайло провел в саях приютившего его обоза. Потом Тереха сдал его с рук на руки своему знакомцу, дворовому человеку, с неперменным наказом определить парня в ученье.

Затерявшись среди челяди, Михайло прожил здесь больше недели. Ни одной новой книжки не успел прочесть он за это время, так как приходилось постоянно быть на побегушках, выполняя различные поручения многочисленной дворни. Отчаяние стало овладевать им, и он вздумал уже бежать отсюда и самому попробовать «определиться».

Наконец, приятель Терехи повел его куда-то с собою. Шагая с Михайлой по улице, он задумчиво говорил ему:

— Нашему брату-мужику пролезть в науку все одно, что верблюду в игольное ушко. Однако дерзай, паря, дерзай... Веду тебя к ученому монаху, отцу Порфирию. Обещал вытянуть тебя на свет, ежели стоящий...

— Ну, что же ты знаешь? — спросил отец Порфирий, с любопытством разглядывая Михайлу.

Михайле сравнялось уже семнадцать лет, и отец даже ладил его жениться. Он был не робок. Но здесь перед первым своим экзаменом он почувствовал себя неразумным пятилетним мальчишкой. Ноги у него задрожали, и он, запинаясь, нерешительно ответил:

— Немного... по церковным книгам...

— А ну, прочти.

Монах подал ему толстую книжицу. И тотчас же Михайло оправился. Как боевой конь, почуяв знакомую обстановку, он бодро поскакал по строчкам.

Порфирий смотрел на него с удивлением. Такая грамотность у мужика в то время была поразительна.

— Довольно, — прервал он, — нельзя сказать, чтобы это было «немного». Весьма даже предостаточно.

— Знаю еще арифметику и грамматику, — осмелев, сказал Ломоносов.

— Ого! Не хвастаешь ли? — И Порфирий с недоверчивой улыбкой задал ему несколько вопросов.

Михайло отвечал без запинки.

— Откуда у тебя сие? — опешил изумленный монах.

Михайло вынул из-за пазухи грамматику Смотрицкого.

— Вот здесь, на тринадцатой странице извольте развернуть.

— Да ты что, наизусть что ли знаешь?

— Всю книгу! — радостно подтвердил Ломоносов, видя свой успех, и сразу же начал с первой страницы, нарочно глядя в потолок.

Порфирий не прерывал его несколько минут, следя по строчкам и изредка почти с испугом вглядываясь в его лицо.

— И арифметику? — спросил он тихо.

— И арифметику так же, — счастливо ответил Ломоносов.

Монах встал, подошел к необыкновенному юноше и поцеловал его в лоб.

Оставив Михайлу в келье, он тотчас же отправился к своему начальнику — ректору Заиконоспасской академии.

— Ваше высокопреподобие, — торжественно сказал он в конце беседы, — к нам залетел молодой орел, вскормленный нивесть как между северных ворон. Надобно дать ему расправить крылья.

— Не лучше ли иметь домашних птиц? — возразил хитрый монах-ректор. — С орлами бывает хлопотно.

Его смущало мужицкое происхождение Ломоносова. По уставу в академию могли приниматься только духовные и дворяне.

Однако Порфирий, который имел большое влияние на ректора, добился своего. Михайлу Ломоносова зачислили в академию, записав его дворянским сыном.

Излишние успехи

То, что так пышно именовалось академией, было просто-напросто средним училищем, в котором зубрежкой вгоняли в учеников церковно-славянский, латинский и греческий языки и опять-таки божественные благоглупости на этих языках. Вся тогдашняя образованность сосредоточивалась в руках церкви, которая сама была невежественна и темна и никакого представления о настоящих науках не имела.

Воспитанникам академии выдавался всего алтын^[1] в день на содержание. На эти деньги они должны были и прокормиться, и купить бумагу, и справить для себя все другое, включая одежду и обувь. Большинству помогали родные. У Ломоносова же не было совсем никого. Он жил в крайней бедности, ходил в лохмотьях и постоянно голодал. Кроме того, зная его происхождение, на него взваливали всякую черную работу, и, наконец, он исполнял обязанности пономаря.

И все же теперешнее свое состояние, даже по сравнению с привольной и сытной жизнью в теплой отцовской избе, Михайло считал наивысшим счастьем.

Первый его учитель никак не мог понять, каким образом полудикий рыбак через десяток дней уже знал латинскую азбуку и читал слова не хуже его.

— Тверди, мой друг тверди, — говорил ему монах.

— Да я уже знаю все, что задали, — отвечал Михайло, — дайте мне что-нибудь новое.

— Тверди старое, больше пользы будет.

Быстро пройдя весь курс, Ломоносов просил своих наставников дать ему возможность учиться дальше. Но это было не по правилам — он должен был учить только то, что проходят в его классе. Ему отказали.

На экзамене, толково ответив на все вопросы, Ломоносов заявил, что знает, сверх того, курс следующего класса.

— Кто же тебя обучал? — строго спросил ректор.

— Сам.

Его проэкзаменовали. Он блестяще доказал свои знания.

Ректор разгневался. Как он смел без разрешения изучать то, что ему еще не положено!

За «излишние» успехи Ломоносова посадили на двое суток в темную.

Михайло ответил на это первым своим стихотворением, которое высмеивало монахов, «завязших в меду учености»:

Услышали мухи
Медовые духи.
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Когда стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
«Ах, — плачут убоги, —
Меду полизали,
А сами пропали».

К счастью, учителя, которым Ломоносов представил эти стихи, не поняли их шуточного смысла, и один из них написал на рукописи по-латыни: «Пульхре», что значит — «красиво».

Спасительные ноги

В 1735 году из Петербургской академии наук пришло в Москву требование на несколько человек для обучения их физике и математике. По успехам должны были прежде всего отправить Ломоносова. Но здесь опять встало препятствием его крестьянское происхождение. Михайле предложили зачислиться в духовное звание, то-есть сделаться монахом.

— Склонности к этому не имею, — твердо ответил он, хотя все в нем горело от желания перейти к настоящим наукам.

Только заступничество просвещенного деятеля того времени, Феофана Прокоповича, спасло положение. Страстный поклонник наук, Прокопович, присутствовавший на одном из экзаменов в Заиконоспасской академии, сразу же оценил громадный ум и исключительные дарования Ломоносова.

Феофан Прокопович был начальством для академии, и Михайлу отправили в Петербург.

Теперь перед ним открылась новая дорога, и он радостно и неутомимо зашагал по ней. То, к познанию чего он до сих пор не мог приблизиться, — природа, человек, его ум, жизнь и борьба, — стало постепенно раскрываться перед жадным пытливым взором талантливого юноши.

Очень скоро Ломоносов своими необыкновенными успехами в науке обратил на себя всеобщее внимание. Через два года, как лучший студент, он был послан в Германию для усовершенствования в химии и горном деле, к всемирно известному ученому Христиану Вольфу.

И здесь, в немецком городе Марбурге, славном учеными и обилием учащихся, Ломоносов выделялся страстью к наукам и своими способностями.

В ответ на запросы о нем Вольф писал Петербургской академии:

— У него самая светлая голова, и он с особенною любовью приобретает основательные познания.

Но и тут Ломоносову приходилось испытывать крайнюю нужду. Он вскоре женился на дочери немца-портного, и у него родилась дочь. Жалованья из академии не хватало. По заданиям Вольфа, он должен был посещать различные места Германии для практических занятий. Эти путешествия, из-за недостатка средств, он совершал пешком. Год он проработал рудокопом, изучая горное дело.

По возвращении в Марбург к нему явился полицейский чиновник и предложил уплатить все накопившиеся долги или сесть в тюрьму.

Платить было нечем, и со свойственною ему решительностью Ломоносов ночью бежал из Марбурга, конечно, пешком.

По дороге он попал в руки вербовщиков солдат. Их пленили высокий рост и могучее телосложение Ломоносова. Его подпоили, и на утро он проснулся в солдатской форме и с деньгами в кармане.

— Что это значит? — спросил озадаченный Ломоносов, щупая себя со всех сторон.

— Поздравляю вас с высоким званием солдата, — сказал, подходя к нему офицер.

— К черту! — в бешенстве закричал Ломоносов. — Не хочу быть солдатом!

— Как это не хочешь? А жалованье за что получил? Связать его!

Будущий знаменитый русский ученый очнулся только в крепости Везель, где тотчас же принялись за муштровку нового солдата.

Однако Ломоносов достаточно поупражнялся в искусстве бегать. Ноги не раз уже выносили его из трудных обстоятельств. Усыпив бдительность начальства притворной покорностью, он ночью вышел из крепости, прополз мимо часового, тихо переплыл ров, наполненный водою, и наутро был уже далеко.

Изредка заходя в селения, чтобы не умереть с голода, питаясь подаванием в качестве «бедного студента, идущего на родину», он, обтрепанный, изможденный, добрался до главного города Голландии Амстердама. Русский консул отправил его морем в Петербург.

Человек-университет

В 1741 году, после четырехлетнего пребывания в Германии, студент Ломоносов явился в Академию наук.

Его приняли хорошо. О нем уже знали не только в академии. Его первое звучное стихотворение на русском языке, присланное им еще из Германии, обратило на себя общее внимание.

Ведь русский язык до сих пор считался грубым и диким, и на нем зазорно было сочинять стихи!

Скоро Ломоносов получает возможность выписать оставленную им семью и назначается профессором химии и физики при академии.

Профессора в тогдашней академии были сплошь иностранцы. Лекции читались по-латыни либо по-немецки. Понятно, что при таких условиях знания не могли распространяться в России, они становились принадлежностью небольшого круга лиц, владевших иностранными языками.

Поэтому, когда впервые в 1746 году прозвучали по-русски лекции Ломоносова, они собрали массу слушателей.

Ломоносов понимал, что первому русскому ученому нужно «знать все», и он ворошил науку сразу, во всех областях, делал открытия, изобретения, опережая европейских ученых на пятьдесят и даже на сто лет.

Его пытливый могучий ум старался проникнуть в тайны окружающего мира. Он изучал небо и землю, ее поверхность и недра. Он стремился понять и объяснить различные явления в природе, как свет, электричество. Он производил тысячи опытов над воздухом, водой и веществами, из которых состоят земные тела.

Вполне правильно он решил вопрос о происхождении каменного угля, придя к заключению, что это — остатки лесов, сохранившихся в почве от первобытных времен. Он сам придумал, как устроить градусник, самостоятельно дошел до идеи громоотвода.

Десятки лучших ученых наблюдали в 1761 году солнечное затмение в разных странах, и только один Ломоносов подметил такие явления на солнце, которые стали изучаться много времени спустя после него.

Он хлопочет об организации первого русского научного путешествия на крайний Север, где, он утверждает, есть свободное ото льда море, по которому можно проложить путь в Америку и Индию. Сто восемь лет спустя англичане доказали эту мысль русского ученого.

Изумительна эта кипучая деятельность Ломоносова в разных областях человеческого знания. Он пишет сочинения о земледелии, о распространении знаний в народе, он собирает по всей России образцы горных пород для изучения, создает высоко художественные картины, сочиняет прекрасные стихи, имеющие научное значение.

Он выпускает в свет замечательный научный труд: «О слоях земли». Это — первое не только в России, но и за границей подлинно научное исследование строения земли, опередившее в своих выводах европейских ученых на целое столетие. Пишет Ломоносов такую же солидную книгу «Основы металлургии». Создает русский литературный ясный и точный язык, написав несколько работ о правилах русской речи. Совершенно справедливо заметил как-то Ломоносов, что он «российский стиль вычистил».

Все это нужно было знать! Не даром Пушкин, восхищаясь разносторонностью его гения, назвал Михайлу Васильевича «первым русским университетом».

А в то же время Ломоносова обязывали произносить речи в дни рождений и именин царицы, писать стихи по заказу на всякие придворные случаи: въезды и отъезды знатных особ, маскарады, составлять расписания увеселений.

Его доводили до униженных просьб «о дозволении хотя бы в часы досуга заниматься физикой и химией», то-есть науками, в которых Ломоносов был наиболее велик.

Ломоносов объявил «союз наук». Все науки должны помогать одна другой. «Ибо, — пишет Ломоносов, — часто требует астроном механика и физика совета; ботаник и анатомик — химика. Алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю». Даже поэзию он заставляет служить науке и пишет самое замечательное свое стихотворение о северном сиянии.

Лицо свое скрывает день.
Поля покрыла влажна ночь.
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас прогнала прочь.
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.

Но где, природа, твой закон?
С полных стран встает заря.
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мечут огонь моря?

Вот хладный пламень нас покрыл,
И в ночь на землю день вступил^[2].

Прав был Михаил Васильевич в своем знаменитом разговоре с всесильным Шуваловым. Этот самодур-вельможа, рассердившись на него за что-то, крикнул:

— Я отставлю тебя от академии!

Ломоносов внимательно на него посмотрел и сказал просто и значительно:

— Нет. Разве, что академию от меня отставят.

Бой с попами

Начался этот бой, в сущности, по пустяковому поводу. Михаил Васильевич написал и пустил по рукам без подписи шуточный «Гимн бороде», в котором жестоко высмеял духовенство. Правда, он уже давно объявил себя ярым врагом поповства, требуя ограждения светской науки от посягательств на нее со стороны церкви. Но это его произведение особенно обозлило духовенство.

Через некоторое время в двери к Ломоносову постучались два знатных монаха.

— Мир дому сему!

Явление необычное. С попами хозяин дома мало водился да и грешков против них немало за собою чуял. Однако виду не подал.

— Христина, угости пивком, — попросил жену и усадил гостей за стол.

Завели разговор о высоких материях.

— Как полагаешь в велемудрой учености своей, батюшко Михайло Васильевич, — спросил как бы между прочим монах и помаслил глазками собеседника, — существуют ли какие другие миры животные, окромя нашего земного?

Хозяин насторожился, но ответил твердо:

— Полагаю, что есть такие и на других планетах.

— А не противно ли сие учению церкви? — елеем пролился в уши профессора сладкий голос.

— На этот счет собственное мнение имею.

— Та-ак. Ты только не гневайся, батюшко. Я из любознательства. Объясни, нам неукам, справедливо ли про тебя сказывают, будто по своей науке считаешь землю древнее происхождением, нежели то указано по церковным книгам?

— Да, считаю.

— Неужто верно и то, что велишь в монахи постригаться не раньше пятидесяти годов и, тьфу, мерзко вымолвить, требуешь для православных, буде то понадобится, четвертого брака, а по нужде и пятого?

— И то верно. Наука так требует.

Михаил Васильевич большую силу употреблял, чтобы сидеть спокойно на месте.

— Ах, грех-то какой! — сокрушенно сказал монах и обернулся к другому, и оба они с печальной укоризной качнули головами.

— И последнее, — грустно посмотрел монах в лицо ученого, которое уже начинало нервно подергиваться, — не восстаешь ли

ты противу крещения младенцев о зимнюю пору?

— Восстаю, — сквозь зубы, все еще сдерживаясь, выдавил Михаил Васильевич.

Снова монах кинул взгляд на другого, и тот поощрительно мигнул ему.

— А не ведомо ли тебе сие похабство, батюшко? — Поп вынул из обшлага рясы и поднес к глазам профессора «Гимн бороде».

Михаил Васильевич порывисто вскочил и грозно крикнул, как вызов к бою:

— Мое!

Между ними был стол. И тотчас же заплясали вдоль него два яростных монашеских тела, четыре руки со скрюченными пальцами неистово потрясали над ним, лютой злобой горели четыре глаза, и два исступленных рта изрыгали совсем не елейные слова:

— Ярыга! Пес! Пашквилянт! Да мы матушке-царице!.. Плетьми ты запорем! Под виселицей твои богомерзкие сочинения сожжем!..

Михаил Васильевич сначала опешил от такого бурного натиска. Потом лицо его порозовело, он вытянулся во весь свой богатырский рост, — даже хрустнуло где-то, — и схватив огромный шандал^[3] стукнул им с размаху по столу.

— Вон! Чтоб духу вашего!..

В дверях мелькнули рясы.

Михаил Васильевич, отдышавшись, спросил у перепуганной жены добрую кружку пива и сел писать новое грозное против попов послание.

— Обманщик и грабитель спасения не сыщет, — грозно бормотал он, выводя строчки, — если бы даже он ел щепы,

кирпич и мочалу, а не токмо что постную пищу, или же стоял бы на голове вместо земных поклонов...

Ломоносов сумел отстоять себя. Своим огромным и смелым умом он произвел такое впечатление на царицу Екатерину что она, желая прослыть покровительницей наукам, не отдала его на растерзание духовенству.

Последние годы

Крестьянин Ломоносов, собственным горбом добившийся своего славного места в науке, на многое смотрел другими глазами, чем русские ученые того времени.

Он не мог спокойно относиться к тому, что крестьяне не имеют доступа к образованию.

— В Европе ни одному человеку не запрещено учиться! — гневно восклицает он и пишет доклады о необходимости распространить просвещение на все существовавшие в то время сословия.

Он хорошо знает, в каких тяжелых условиях живет народ, потому что сам вышел из него, как велика детская смертность от болезней и как нередки случаи убийства детей собственными матерями, родившими их «не по закону», то-есть не в браке, освященном церковью. Он требует облегчения этой гнетущей обстановки крестьянской жизни, предлагает составление и распространение среди народа медицинских книг о повивальном искусстве и детских болезнях, добивается распоряжения Екатерины об устройстве народных детских домов для приема «незаконнорожденных», настаивает на запрещении попам насильно венчать крепостных.

В это время бурного расцвета всех своих сил Ломоносов сидит обложенный бумагами и книгами и пишет с утра до вечера или бегаёт по городу в бесконечных хлопотах.

— По неделям он, сердечный, не пьет, не ест, — жалуется его племянница, разводя руками, — только пиво да кусок хлеба с маслом и подашь ему.

Но могучий организм Ломоносова начинает уже сдавать.

— Редко напишет бумагу, чтобы не засыпать ее вместо песку^[4] чернилами, — сокрушенно рассказывает та же племянница. — Во время обеда вместо пера кладет ложку за ухо, которою только что хлебал горячее. А то париком утирается, который снимает с себя, когда принимается за шти.

Первый русский ученый получает европейскую известность. В 1763 году его избирает своим членом в Италии Болонская академия наук и в Швеции «Королевская академия наук». В том же году он становится членом только что учрежденной Российской академии художеств в Петербурге.

Эти почести и слава поздно приходят к Михаилу Васильевичу. 4 апреля 1765 года Ломоносов скончался.

В день смерти он сказал своему другу:

— Жалею, что не успел совершить того, что мог и должен

был. Знаю, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною.

К сожалению, он не ошибся. После него не осталось его продолжателей. Он слишком обогнал своих современников, чтобы те могли пойти по следам отца русской науки. Под тяжелой и тупой властью царизма наука в России возродилась нескоро.

notes

Примечания

Алтын — старинная русская монета, равняется 3 коп.

Стихотворение приведено не полностью.

Стоячий подсвечник.

Тогда еще не было промокательной бумаги, и написанное засыпали песком.

